

Я уже начала возиться с подолом платья, чтобы вылезти в окно, но, услышав эти слова, забыла о своём намерении и, выпрямившись, спросила:

— Если это сентябрь, почему все говорят, что это июль? Это был день, когда во дворце готовились ко дню рождения императрицы, вряд ли могли ошибиться с датой.

Она спокойно ответила:

— Мой день рождения совпал с днём рождения моей бабушки, и матушке это не понравилось, поэтому она велела мне его изменить. Моя тётя попросила гадателя выбрать подходящий день, и он сказал, что двадцать седьмого июля для меня наиболее благоприятен, поэтому так и решили. На самом деле это пятнадцатое сентября.

Мне стало немного грустно, и я снова обняла её, тихо сказав:

— На самом деле, ты можешь многое рассказать мне напрямую. Если тебе нужна помощь, просто скажи, не нужно всё брать на себя.

Она тоже обняла меня и тихо ответила:

— Раньше я не хотела тебе говорить, боялась, что ты подумаешь, что я хочу воспользоваться твоим богатством, и будешь презирать меня. Теперь я знаю.

Она открыла окно, чтобы я могла вылезти, и я присела, собираясь встать, но, подняв голову, увидела, что она наклонилась ко мне. Увидев, что я смотрю на неё, она улыбнулась и сказала:

— Теперь у меня ничего нет, и в будущем мне придётся много просить тебя, так что не волнуйся.

Она щипнула меня за щеку, закрыла окно, и я больше не могла её видеть.

Когда я подумала, что у А-Хуань теперь нет никого, кроме меня, я почувствовала огромную ответственность. Вернувшись, я не стала сразу ложиться спать, а задумалась о своих делах. На рассвете я не сразу покинула дворец, а направилась в чертог Цзычэнь.

Матушка, как всегда, встала рано и вместе с министрами обсуждала дела в переднем зале. Обычно я старалась избегать таких моментов, но сегодня специально задержалась у боковой двери. Матушка, конечно, заметила меня и велела впустить, спросив:

— Что-то случилось?

Я улыбнулась:

— Разве я не могу просто навестить свою матушку?

Подойдя к ней, я поклонилась. Матушка знала, что у меня есть дело, улыбнулась и жестом велела мне встать, но не предложила сесть.

Министры смотрели на меня через занавес. Пэй Янь стоял впереди, и его глаза были широко раскрыты. По рангу он был ниже меня, но, будучи первым среди министров, он мог не кланяться. Однако, поскольку он не поклонился, остальные министры, стоявшие за ним, оказались в неловком положении. Они переглядывались, словно актёры на сцене, а не министры на совещании. Только Лю Жэньгуй, казалось, ничего не замечал, спокойно подошёл и поклонился через занавес. Как только он двинулся, Лю Ичжи и другие последовали его

примеру.

Матушка сидела на троне, слегка улыбаясь, наблюдая за министрами и не говоря ни слова. Я сразу поняла её намерения и, внезапно решив подшутить, приняла поклон Лю Ичжи, а затем, с покорностью младшей, слегка поклонилась Пэй Яню:

— Господин Пэй.

Лицо Пэй Яня сразу же изменилось, и он поспешил поклониться в ответ. Я не дала ему закончить поклон и слегка поклонилась Лю Жэньгую и Лю Ичжи — поблагодарив Лю Жэньгую за его кампанию против Туфаня, которая избавила меня от династического брака, а Лю Ичжи — за то, что он учил меня. Пэй Яню я ничего не сказала, и, когда он поклонился в ответ, я отвернулась, чтобы показать уважение.

На лбу Пэй Яня выступил пот, и это было видно даже через занавес. Я почувствовала себя довольной и оглянулась на матушку. Она смотрела на меня с улыбкой и сказала Пэй Яню:

— Как и сказал господин Пэй.

Затем она повернулась ко мне:

— Если есть дело, говори быстро, а потом возвращайся. Это место для совещаний министров, а не для маленьких девочек.

Хотя её слова были упрёком, голос звучал мягко, и в глазах светилась улыбка, а пальцы слегка постукивали по подлокотнику трона, что говорило о её хорошем настроении.

Я притворилась смущённой, поклонилась матушке и сказала:

— Не то чтобы дело...

Она взглянула на меня, и я поправилась:

— Ничего серьёзного, но я не знаю, к кому обратиться, поэтому решила спросить у вас, матушка, но, поскольку министры здесь, это, кажется, не очень уместно.

Матушка, видя, что я хожу вокруг да около, немного раздражённо сказала:

— Если это личное дело, подожди немного.

Я поспешно ответила:

— Не личное, это... государственное дело.

Матушка смотрела на меня с лёгким подозрением:

— Государственное дело?

Я взглянула на неё, подошла ближе и тихо, так, чтобы министры могли слышать, но придворный летописец не уловил, сказала:

— Наверное, это государственное дело — я ведь переехала из дворца, верно? В последние дни в моём доме появились некоторые прошения, и я заметила, что среди них есть достойные, и хотела бы... дать им оценку.

Матушка подняла бровь:

— И это всё?

Я ответила:

— У мужа есть несколько племянников, которые неплохо учатся, и они обратились ко мне. Я подумала, что они из знатных семей, и дать им должность — не такая уж большая проблема.

Говоря это, я услышала шорох одежды за занавесом и, украдкой взглянув, увидела, что министры делают вид, что ничего не слышат.

Матушка рассмеялась:

— Я думала, это что-то серьёзное. Если это племянники твоего мужа, передай их имена в Ведомство чинов, и скажи им об этом — должности ниже шестого ранга, кроме советников и цензоров, назначаются Ведомством чинов, и тебе не нужно специально сообщать мне.

Она взглянула на Ванъэр, и я, боясь, что она будет ругать её за то, что она меня не научила, поспешила добавить:

— Я знаю, что это дело Ведомства чинов, но всё же это государственное дело, и я решила сообщить вам, матушка.

Матушка сказала:

— Теперь, когда ты сообщила, сама разберись — знаешь, как это сделать?

Я уже знала все детали от своих тётушек, но сделала вид, что неопытна:

— Найти подходящего человека и встретиться с главным чиновником?

Матушка рассмеялась:

— Такие мелочи, пусть Чжэн Бо передаст слово министру чинов, они привыкли к этому и сами распорядятся.

Она хотела поправить мой воротник, но, увидев, что он в порядке, похлопала меня по плечу:

— Ты уже взрослая, и тебе нужно больше внимания уделять таким делам, как рекомендации и прошения. Если найдёшь действительно полезного человека, а министры не захотят его использовать, можешь привести его ко двору, и, если он хоть чем-то полезен, я дам тебе возможность.

Она сделала паузу и строго добавила:

— Это только между нами, не распространяйся.

Я кивнула, вспомнив ещё одно дело, и сказала:

— Осенью расцветают хризантемы, и я хочу пригласить Цуй Мин-дэ и Дугу Шао выпить и полюбоваться цветами. Разрешите, матушка.

Дугу Шао не была проблемой, но Цуй Мин-дэ жила во дворце, и ей нужно было сообщать о

своих выходах.

Матушке нравилось, что я рассказывала ей о всех мелочах, и на её лице сразу появилась широкая улыбка:

— У себя дома или в загородной усадьбе?

Я ответила:

— Загородная усадьба только что куплена и ещё не обустроена, поэтому только у себя дома.

Она кивнула:

— Не будь слишком экономной, если хочешь приобрести загородную усадьбу или сад, делай это. Посмотри на Цинхэ и Синьчэн — их дома занимают целые улицы, и никто не говорит ничего плохого.

Я покорно согласилась, хотя мысли мои были далеко. Вернувшись домой, я сразу же распорядилась организовать это, решив устроить пир в саду Чанцю, и, занимаясь всеми деталями, незаметно наступил вечер. Чжэн Бо вернулся с улицы и, не переодевшись, сразу зашёл внутрь, его лицо выражало страх. Он схватил меня за руку и потянул за собой, приказав слугам уйти.

Сяньсянь и другие смотрели на меня, но, не получив моего разрешения, не двигались. Чжэн Бо обернулся и, нахмурившись, сказал:

— У меня есть важный разговор с принцессой, выйдите.

Я, видя его тревогу, боялась, что действительно произошло что-то серьёзное, и велела им выйти, но он, войдя, ничего не сказал, лишь ходил по комнате, хмурясь. Я всё ещё занималась подготовкой к пиру и торопила его:

— Что случилось, второй сын? У меня тут свои дела.

Он взглянул на меня:

— Ты считаешь, что смещение твоего родного брата — менее важное дело, чем один пир?

Только теперь я заметила его мрачное выражение и, положив список блюд, сложила руки на коленях:

— Жуй-гэ уже покинул столицу, что ты можешь сделать сейчас?

Меня поразило, что мой тон был похож на тон А-Хуань, и я непроизвольно сжала губы, поправив воротник. На моём теле всё ещё чувствовалось её тепло, и внизу живота появилась лёгкая боль. Я вспомнила, что в спешке той ночью забыла помыться — значит, на мне остались не только её тепло, но, вероятно, и её соки, а на ней — мой запах, моя... жидкость.

Авторское примечание: Когда я подумала, что у А-Хуань теперь нет никого, кроме меня, я почувствовала огромную ответственность.